ДЕНИС КОНОВАЛЕНКО

МЫ ИЗ ТИНДЕРА

ОДИНОЧЕСТВО В ТОЛПЕ

18+

Мастера прозы

Денис Коноваленко

Мы из Тиндера. Одиночество в толпе

«Эксмо»
2026

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Коноваленко Д. В.

Мы из Тиндера. Одиночество в толпе / Д. В. Коноваленко — «Эксмо», 2026 — (Мастера прозы)

ISBN 978-5-04-257419-1

У нас было всё, чтобы быть счастливыми. Но вместо этого мы придумали детство, которое нас ломало, отношения, которые травмировали, и работу, в которой успех оказался формой бегства. А старость стала не возрастом, а поражением. Поэтому мы до последнего делаем вид, что впереди ещё очень много времени, но нам всем уже под сорок. Эта книга не будет никого спасать. Она просто попробует вернуть туда, откуда мы всё время убегали: в собственную жизнь. Без ретроградного Меркурия, красивых диагнозов, духовных инсайтов и без новой версии себя. Потому что самое страшное открытие для взрослого человека не в том, что его никто не спасёт, а в том, что спасать его было не от чего.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-257419-1

© Коноваленко Д. В., 2026
© Эксмо, 2026

Содержание

Предисловие 6
Часть первая 7
Глава 1. Эпоха 7
Пока взрослые меняли флаг 7
На районе, которого нет 8
Конец ознакомительного фрагмента. 10

Денис Коноваленко
Мы из Тиндера. Одиночество в толпе

Поколению миллениалов, которое купило всё и осталось ни с чем, посвящаю…

Обложка *Андрея Осипова*

© Денис Коноваленко, текст, 2026
© ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Предисловие

О поколении, которое живет рядом, но не вместе.

Так начинается история о нашем поколении. История хронической усталости и приобретённого одиночества. Мы поколение исторического тупика, психотерапии и индивидуализма, растерянные и потерянные, рассерженные на свой век, но больше – на самих себя. Нетерпеливые во всём и нетерпимые ко всему, с огромной «дырой внутри размером с Бога», которому стараемся доверять, но в которого больше не верим.

Ожесточённые сердцем, но с живым, хоть и задумчивым взглядом. Недоверчивые к другим и не доверяющие себе, но легко поддающиеся всякой надежде и обещаниям. В обещаниях нам нравится обещать и не нравится, когда нам об этом напоминают. Мы не безответственны, мы просто хотим приукрасить свою серую действительность.

Одинокой толпой движемся мы от одной несбывшейся мечты к другой, спотыкаясь и перешагивая через собственные разочарования, но чаще – через самих себя. Перешагивая и спотыкаясь, мы думаем не столько о себе, сколько о том, как выглядим в глазах окружающих, до которых нам и дела нет, но их мнение с детских лет почему-то очень важно.

Нам важно всё, что для нас не значимо, но значимо для строгой общественности. От этой строгости мы стали мнительны и ранимы. Учимся жить внутри себя, жить без убеждений и гордости, возвышаясь над духовностью и унижаясь перед материальностью. Мы становимся людьми, которые чувствуют себя лишь отчасти и не любят себя совсем.

Нам кажется, что любовь – это когда любят нас, а мы лишь позволяем любить. Что любить кого-то – это наше право, а любить нас – это *их* обязанность. Когда любим мы, нам бывает больно, когда любят нас – это быстро утомляет и кажется навязчивым.

Нам нравится указывать пальцем на ошибки и несовершенства других и очень больно и обидно, когда указывают на наши. На каждое кем-то сказанное *но*, у нас уже есть своё *если*. Мы всё разумное подвергаем сомнению, а в сомнительное верим на слово.

Мы очень устали, ещё ничего не совершив. Мы устали ждать, чувствовать и даже устали жить. Вот правдивая история о нас. История о дряхлении сердца при молодом теле и опустошении души при избыточности обстоятельств.

Мы новые герои своего времени, в котором быть счастливым и есть подвиг. А преодолевать приходится не препятствия, а свои сомнения, сражаться не с *драконами*, а с самим собой. Но, в отличие от классического *пути героя*, в конце нашего мы так и не встречаем то, ради чего этот путь начали, то есть любви.

Наша история развивается по какому-то новому, ещё не известному сценарию, где есть начало, но будто бы нет конца. А если он и есть, то никто не может сказать, в чём он заключается.

Свой путь мы проходим одни: без верных друзей и без любви. Единственное верное существо, которое мы смогли полюбить, – это наша собака, но и она теперь не бежит рядом, мы почему-то несём её на руках. На этом пути мы не можем встретить ни своих, ни чужих, ибо всё здесь равнодушно.

Отправимся же со мной, мой дорогой читатель! Быть может, вместе мы узнаем, где живёт любовь, и вместе с ней вернём себе надежду жить и быть счастливыми…

Часть первая
Предыстория нашего одиночества
Из тринадцати в тридцать и обратно

Глава 1. Эпоха

Об эпохе, в которой нас не ждали. О том, как национальная депрессия стала семейной традицией. Из пыльных шкафов в тревожные сны. Детство на перемотке. Путешествие в никуда и обратно.

Пока взрослые меняли флаг

Мы родились в трещине между эпохами. Где-то между рекламой «МММ» и песнями «Иванушек». Время не родное. Люди сломанные. Мир серый.

Не было Родины. Был новый флаг, который никто не понимал, и гимн, слова которого ещё не знали. Была старая страна, от которой все устали, и новая, которую ещё не поняли. Старую страну хоронили без траура, новую строили без плана.

Нас не рожали в любви, нас рожали в растерянности. Никто не знал, что с нами делать. Нас кормили, одевали, ругали, а мы росли. И всё это по привычке, а не по чувству.

Мы возникли между матерью, которая перестала краситься, и отцом, который стал чаще молчать. Между долларом, ставшим новой иконой, и очередями как единственной формой социальной справедливости. Очередь была битвой за жизнь. Не отстоишь – не поешь. Поэтому и сейчас, спустя тридцать лет, мы ненавидим тех, кто лезет *мимо.*

Границы распахнулись, но за ними было слишком дорого. Власть жила отдельно от народа, народ – отдельно от надежды. Каждый год был кризисом. Каждый месяц – новым ожиданием, которое рушилось через неделю.

В школе нас учили любить Родину и бояться чужого взгляда. Но одна Родина тогда умирала, а вторая только родилась. Поэтому свой взгляд мы направляли внутрь себя, то есть в стыд. На уроках литературы нам объясняли, что *Онегин – это мы*. А мы не понимали его, и вообще он казался нам чужим. Ведь у него *«морозной пылью серебрился его бобровый воротник»* и был он *«как dandy лондонский одет»*. Наш воротник был из облезлой лисы, умершей от ружья деда, а одевались мы во что придётся, в основном в то, из чего вырос старший брат или сестра.

Нам был ближе Человек-паук. Потому что очень нравилась идея, что если тебя укусит насекомое из летней кухни, то ты сможешь летать над крышами. Мы тоже хотели летать, хотя бы над нищетой и разрухой. Потом жизнь нам даст эту возможность, но то ли от скуки, то ли от лени мы от неё откажемся.

У нас под ванной лежал пакет со старыми газетами. Никто не знал зачем. Просто *так делали все. На всякий случай*. Всё хранилось *про запас:* пластиковые вилки, моток проволоки, половинка открытки. Как будто бедность – это стиль, который никогда не выйдет из моды.

В детстве нам говорили: «Главное – быть хорошим человеком!». Но оказалось, что хорошим платят мало или не платят совсем, что честным быть неудобно, а добрым – стыдно. Поэтому мы держались на иронии и сарказме. Ирония – это когда хочется рыдать, но вместо этого ты почему-то смеёшься. Сарказм теперь наш второй язык, а молчание – первый.

Мы не любили свои города, но боялись их покинуть. Нам было тесно в собственной голове и пусто в арендованной квартире.

Мы поколение, не способное на слёзы. Нас учили: «не плачь», «не будь тряпкой». Теперь мы не плачем, но иногда очень хотим умереть. Даже когда душа орёт, мы постим мемы. А потом лайкаем свой же пост, потому что никто другой не лайкнул. Ведь жить без чужого одобрения мы не умеем, поэтому одобряем себя сами.

Наш бог – чужое мнение. Наш храм – одиночество. Наши исповеди – в пьяных *голосовушках*, которые удаляем к утру.

Мы не герои, мы их тени. Не миллениалы и не *поколение одиночества*, а те, кто родился слишком поздно, чтобы верить, и слишком рано, чтобы не страдать.

Мы хотели быть собой, а стали тем, что удобно. Работаем, чтобы казаться занятыми. Постим сторисы, чтобы не казаться ненужными.

Наше одиночество – это не отсутствие людей, а переизбыток пустых диалогов. Иногда проще заговорить со стеной, чем с тем, кто рядом. Друзья нам стали ближе, чем родственники, а родители – дальше, чем Бог.

Наши ценности не сломались, их просто отменили. Пока мы росли, мир трижды от себя отказался. Мы смотрели на всё с доверием, а теперь смотрим с презрением. Мы не стали циничными, мы стали отсутствующими.

Мы хотим любви, но проверяем, *был ли онлайн,* вместо того чтобы спросить: «Ты жив? Держишься? Ты вообще как?».

Мы храним старые переписки, потому что всё важное осталось для нас в прошлом. Всё настоящее – там же.

Мы не ищем смысл, мы просто хотим, чтобы нас кто-то ждал, любил и верил. А не спрашивал, *сколько ты зарабатываешь*. И не говорил: «У Маши муж – генеральный». Просто ждал, просто знал и просто верил.

Но чаще рядом никого. И ты снова ставишь сериал на фон, наливаешь что угодно в бокал и говоришь себе: «Ну, в принципе, так у всех. Всё хорошо!». Даже если плохо. И быстро на что-то переключаешься, пока не стало слишком правдиво.

На районе, которого нет

Там, где вырос ты, сначала сносили гаражи, потом – людей. А там, где вырос я, сносить было нечего. Был только колхоз, который долго беднел, и его директора, которые быстро богатели.

Твой район пах подъездами, ларьками и сигаретами. А в моём селе пахло черёмухой, коровами и безысходностью. Ты видел витрины, на которых висело то, что родители не могли купить. А я видел магазин, где мы могли купить всё, но там ничего не было. У тебя во дворе – футбольные коробки и турники. У меня – поле, где воронам и людям было одинаково всё равно. Ты хотел выбраться из спального района. А я хотел просто выбраться, хотя бы туда, откуда хотел выбраться ты.

Но при всей разности мы схожи тем, что тогда у нас не было тревожности. Но было что-то живое и настоящее, о чём мы будем потом вспоминать всю жизнь.

Мы учились на инстинктах: не высовываться, не хвастаться, не верить. И если у тебя был велосипед, ты знал: *катай быстро, чтоб не отняли.*

Школа нас не учила жить, она учила выживать. Старшеклассники били, учителя высмеивали, а *техничка* в открытую угрожала расправой. Но тогда это называлось *социализацией*, сейчас же – травлей и *буллингом.*

Учителя говорили: «Вот поступите в университет, тогда и заживёте». Мы поступили. Но потом поняли, что врут не только дети.

Детство было не детским. Было что-то вроде пробной версии взрослой жизни: без защиты, без инструкций, зато с ожиданиями: «будь мужиком», «будь умной», «будь благодарным», «спину держи ровно».

Наши отцы были молчаливыми, а матери – усталыми. Мы же находились где-то между. Да и сейчас находимся. Только вместо молчания – тревожность, а вместо усталости – выгорание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.